

DOI: 10.19181/population.2021.24.3.12

СОВРЕМЕННАЯ ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И КИТАЕ

Беликова М. В.^{1*}, Латинов Г. И.²

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
(196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10)

*E-mail: beladm09@mail.ru

Для цитирования:

Беликова М. В., Латинов Г. И. Современная гендерная политика в России и Китае // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 3. – С. 151-161. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.12.

Аннотация. Проблемы выстраивания и реализации самоидентичности мужчин и женщин через практику гендерного просветительского образования в разной степени актуальны для всех стран и культур. В статье предпринимается попытка провести сравнительный анализ гендерной политики в России и Китае на современном этапе по двум аспектам: просвещение в области равенства прав и возможностей мужчин и женщин; коррекция гендерных стереотипов и предрассудков. Специфика подхода к решению гендерных проблем коррелирует с национально-культурными, политическими, религиозными, этическими особенностями российского и китайского народов. И в России, и в Китае нормы и принципы взаимодействия мужчин и женщин, как и равенство их прав и возможностей в социальной жизни, формально признаны обществом и узаконены, что способствует распространению эгалитарных установок и отношений. Однако в жизни граждан обоих государств зачастую проявляется декларативный характер этого признания. Тем не менее, в российском и китайском обществе (в каждом — по-своему) преодолеваются традиционные гендерные стереотипы, власти пытаются расширять законодательную базу по вопросам гендерного равенства мужчин и женщин, привлекать административные ресурсы для повышения уровня гендерной культуры населения, а также разрабатывать и внедрять программы, предназначенные для женщин. Стратегическим направлением гендерной политики и гендерного просветительского образования остается развитие системного подхода к присутствию гендерной компоненты в осмыслении социальных процессов, к интеграции достижений обоих полов в организации жизни общества.

Ключевые слова: гендерная политика, Цели устойчивого развития, гендерное просветительское образование, гендерная идентичность, гендерные стереотипы.

Введение

В сегодняшнем мире отставание женщинами и мужчинами равных прав и возможностей в различных сферах общественной жизни делает необходимым формирование объективного отношения к гендерной политике со стороны государства. У истоков такого подхода с позиций государственной власти стояла Организация Объединённых Наций (ООН), которая поддержала инициативу создания главного глобального межправительственного органа — Комиссии по положению женщин (1945 г.), а также организации «ООН-женщины» (2010 г.) и с целью закрепления жизненно важной роли женщин, необходимости их полного и равноправного участия во всех областях устойчивого развития последовательно приняла более ста документов. [1] Однако, несмотря на сохраняющуюся во многих странах актуальность требований, сформулированных в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) и Пекинской декларации и Платформы действий (1995 г.), по словам генерального секретаря ООН Антонио Гутерриша, «наша культура все еще ориентирована на мужчин»¹. Такое положение дел подтолкнуло ООН в 2015 г. инициировать глобальную рамочную программу — Цели устойчивого развития, где целью 5 было объявлено «обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»². Деятельность в этом направлении помогла многим правительствам выработать опыт по преодолению гендерной дискриминации. В России, например, в последние годы «положение о социальной детерминации пола и способах её проявления

интегрировано в большинство областей научного знания» [2], происходят социокультурные изменения статусно-ролевых позиций женщин; постепенно преодолеваются стереотипы, связанные с карьерой женщин, их представительством в сфере политики, управления и бизнеса; сокращается список запрещённых для женщин профессий [3]. Среди важных достижений китайского правительства — снижение доли женщин в рабочей силе [4]; расширение доступа женщин к получению высшего профессионального образования³; появление женщин в предпринимательской сфере⁴; утверждение в обществе нормы активного участия женщин в политической деятельности (в 2020 г. — 1 министр, 15 заместителей министра, 56 руководителей провинциального уровня, около 500 мэров или вице-мэров)⁵; предоставление женщинам возможностей открытого выражения своих политических требований на интернет-платформах (например, WeChat) [5].

В статье предпринимается попытка провести сравнительный анализ некоторых аспектов гендерной политики в России и Китае на современном этапе развития. Структурированность имеющегося по данной проблематике материала ограничена рамками рассмотрения двух, наиболее значимых, по нашему мнению, направлений системы гендерного просветительского образования, предложенных А.В. Швецовою — просвещение в области равенства прав и возможностей мужчин и женщин; коррекция гендерных стереотипов и предубеждений [6].

¹ Ни одна страна пока не смогла реализовать принципы гендерного равенства — Пекинской декларации исполняется 25 лет // Seldon.News: [сайт]. — URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/236992696> (дата обращения: 04.05.2021).

² Gender equality and women's empowerment // United Nations. Department of Economic and Social Affairs Sustainable Development: [сайт]. — URL: <https://sdgs.un.org/topics/gender-equality-and-womens-empowerment> (дата обращения: 09.05.2021).

³ Do Women in China Face Greater Inequality than Women Elsewhere? // Chinapower.csis.org: [сайт]. — URL: <https://chinapower.csis.org/china-gender-inequality/> (дата обращения: 15.04.2021).

⁴ Vivian Yang. Five ways China's women are closing the gender gap // Weforum.org: [сайт]. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/11/chinese-women-are-closing-the-gender-gap-heres-how/> (дата обращения: 09.05.2021).

⁵ Участие женщин в политической деятельности // Russian.cri.cn: [сайт]. — URL: <http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter12/chapter120301.htm> (дата обращения: 04.05.2021).

Просвещение в области равенства прав и возможностей мужчин и женщин

Различия в выстраивании гендерной политики в России и Китае изначально обуславливаются исходными демографиче-

скими характеристиками, социально-политическими и экономическими приоритетами, а также гендерным соотношением. Наглядным это становится при анализе основных демографических показателей за последние полвека (табл. 1).

Население России и Китая в 1970–2020 годах

Таблица 1

Table 1

Population of Russia and China in 1970–2020			
Государство	1970 г.	2000 г.	2020 г.
Общая численность населения, млн человек			
Россия	129,9	146,9	146,7
Китай	796,0	1242,6	1411,8
Численность мужского населения, млн человек			
Россия	59,1	68,7	68,1
Китай	420,0	647,9	749,8
Численность женского населения, млн человек			
Россия	70,8	78,2	78,6
Китай	398,3	614,8	694,2
Соотношение полов (женщин на 1000 мужчин)			
Россия	1198	1138	1154
Китай	948	949	926

Источники: составлено на основе данных Росстата: [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>; данных Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН: [сайт]. – URL: <https://countrymeters.info/ru/China> (дата обращения: 20.05.2021).

Данные таблицы позволяют сравнить результаты репродуктивной политики КНР с демографическими показателями России. В Китае, при жёсткой политике ограничения рождаемости, гендерный дисбаланс в сторону преобладания мужского населения над женским очень значителен. Отметим, что в Китае с начала 1980-х гг. было запрещено проводить диагностические исследования беременных женщин (как и аборт) с селективной целью⁶. Но мальчиков за последние полвека все равно рождалось значительно больше, чем девочек (превышение было самым большим в мире). В России, при отсутствии жесткой политики по вопросам рождаемости и больших различиях в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, видно существен-

ное преобладание доли женского населения над мужским, как и в большинстве европейских стран. Указанные особенности демографической ситуации в странах остаются значимыми до сегодняшнего времени, хотя в мае 2021 г. руководство КНР объявило о политике «одна семья – три ребёнка», что должно в перспективе способствовать снижению дисбаланса в гендерном составе населения.

Объединяющим началом в данном круге проблем является то, что демократизация и гуманизация мирового сообщества вызывает всё более углублённое и разностороннее развитие личностных аспектов, а глобализация способствует распространению призывов к толерантности в отношении людей с различными видами сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Отметим также, что существуют различия в реализации

⁶ Одна семья – один ребёнок // Википедия: [сайт]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.05.2021).

названных направлений гендерной политики и гендерного просветительского образования по отношению к разным возрастным группам внутри конкретной общественной системы. Однако основное содержание гендерного просветительского образования для нас заключается в формировании представлений о реальном равноправии всех в одинаковой степени, в преодолении стереотипных представлений о сущности мужского и женского, в воспитании адекватного отношения к гендерным различиям и признания равенства между людьми, несмотря на любые различия [7; 8].

Индикатором качественного уровня просветительской деятельности государства в данной сфере является соблюдение прав и свобод каждого человека независимо от пола, возраста, социальных характеристик. В России, соединяющей в себе черты западной и восточной культурных систем, с одной стороны, по аналогии с западными государствами, нормы и принципы взаимодействия мужчин и женщин, как и равенство их прав и возможностей в социальной жизни, признаны обществу и узаконены Конституцией РФ (п. 3 ст. 19), что способствует распространению эгалитарных установок и отношений. Более того, Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. заявила о повышении уровня участия женщин в общественно-политической жизни России, в том числе за счёт организации просветительских программ⁷.

Однако, с другой стороны, признание равных прав и возможностей мужчин и женщин зачастую выглядит декларативным, поскольку немалая часть российского населения остаётся под влиянием традиционных (патриархальных) гендерных норм и гендерных стереотипов [9; 1. С. 40–41; 10. С. 7–24.]. По данным ВЦИОМ (март 2019 г.), «каждый второй (53%)

россиянин-участник опроса считает, что равенство обязанностей мужчин и женщин возможно только в отдельных сферах и только каждый третий (32%) — что возможно полное равенство обязанностей»⁸. Закономерными в этом смысле выглядят и результаты исследования Индекса гендерного разрыва в мире (Global Gender Gap Index): в 2019 г. Россия заняла 81-е место (в 2018 г. — 75-е место) — это следствие занимаемого 122-го места в мире по политическому критерию гендерного равенства, в том числе по количеству женщин в парламенте у России 112-е место⁹.

Несмотря на одобрение и ратификацию Россией документов ООН, призывающих к преодолению гендерной асимметрии, и даже внедрение достижений гендерного знания в систему высшего образования, осознанность гендерной проблематики государством и обществом в целом «остаётся на периферии анализа модернизации российского общества» [11]. И, тем не менее, более 20 лет современная российская система образования активно исследует и реализует на практике возможности гендерного подхода, видя в этом основу для «стратегии изменения гендерных представлений и идеалов населения» [12], появления новых множественных моделей «маскулинности» и «феминности» [4], «создание условий для максимальной самореализации и раскрытия способностей» представителями обоих полов [6; 8; 1. С. 165–187; 21].

В Китае гендерное равенство, будучи закреплено законодательно (Конституция КНР 1949 г.; Закон КНР «О защите прав и интересов женщин» 1992 г.; Закон КНР «Об охране здоровья матери и ребёнка» 1994 г.; Закон о семье 2001 г. и другие законы), также в большей степени является декларированной целью, нежели бесспорным фактом [5], что, безусловно, находит отражение в официальных отчётах

⁸ Гендерное равенство в России: идеал или ложная цель? // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gendernoe-ravenstvo-v-rossii-ideal-ili-lozhnaya-czel-> (дата обращения: 04.05.2021).

⁹ Рейтинг стран мира по уровню гендерного разрыва // Гуманитарная энциклопедия: [сайт]. — URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index> (дата обращения: 04.05.2021).

и выступлениях, описывающих прогресс в данной сфере с позиций китайских властей [1; 14]. Международные источники по-своему определяют достижения Китая: в рейтинге Индекса гендерного неравенства ООН (Gender Inequality Index), который измеряет развитие человека в странах мира с точки зрения равноправия полов, Китай занимает 39-е место (2020 г.)¹⁰. Поэтому допустимо сделать вывод о том, что, несмотря на справедливое постулирование эгалитарного характера права, ряд вопросов данной проблематики в китайском обществе де-факто остаются нерешёнными: экономическое неравенство, неравенство в вопросах разделения власти и в оплате труда, в реализации права доступа к образованию.

Большой проблемой китайских женщин остаются различия в их условиях жизни в городе и в сельских общинах: если первая категория женщин пользуются равными с мужчинами правами в обществе, получая высшее образование и участвуя в науке, политике, творчестве и в социальном управлении, то вторая категория женщин зачастую имеет низкий в сравнении с мужчинами социальный статус [5]. Ещё один современный вызов, который будет актуальным и в ближайшие десятилетия — количественный дисбаланс между мужским и женским населением в сторону последнего¹¹ [15]. Перечисленные проблемы часто приобретают особую остроту в соединении с политическим дискурсом [16], попадая на территории КНР под цензурные ограничения [17]. Таким образом, в китайском обществе присутствует интерес к проблеме как со стороны непризнанных феминистских организаций, так и со стороны официальных органов (Всемирная федерация женщин, Комитет женской молодежи и другие).

¹⁰ Рейтинг стран мира по уровню гендерного неравенства // Гуманитарный портал: [сайт]. — URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-inequality-index> (дата обращения: 04.05.2021).

¹¹ Д. Абдуразакова. Женщины подпирают половину неба. О реформах и гендерных вопросах в Китае // GWANET: [сайт]. — URL: http://www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/abdurazakova_ru.pdf (дата обращения: 04.05.2021).

Коррекция гендерных стереотипов и предубеждений

Безусловно, одной из основных задач гендерного образования является объяснение природы гендерных стереотипов, изучение стандартизированных представлений о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское» [18], а также их изменений под воздействием исторических и социальных условий.

В России до сих пор остаётся значимым гендерный стереотип, в основе которого, как пишет Н. М. Римашевская, создатель первой в России Лаборатории гендерных проблем ИСЭПН РАН, «лежат давно устоявшиеся патриархальные представления о ролевых функциях мужчины и женщины, а кроме того их биологические особенности, дополняемые принципиальной важностью «женственности» и «мужественности» [10]. Невозможно не согласиться с мнением, что и сегодня обозначенное разделение ролевых функций женщины и мужчины продолжает создавать условия для «серьезной гендерной асимметрии в жизни общества, сопровождаемой целым каскадом негативных последствий и социальных вызовов нового времени» [10].

В среде нынешней российской молодежи жизненные стратегии мужчин и женщин остаются во многом схожими — получение высшего образования, приоритет карьерного роста, позднее создание семьи и рождение детей, преобладание социально значимой деятельности над личной, семейной сферой. Среднее и старшее поколение россиян более подвержены гендерным предубеждениям, хотя формально могут заявлять о праве всех на равенство. В итоге искажение когнитивного содержания гендерных установок и убеждений мешает адекватному восприятию мужчин и женщин друг другом, усугубляет социальные проблемы с позиций гендерного измерения, «поддерживает» дискриминацию в обществе и ещё дальше отдаляет российское общество от демократических идеалов.

Китайский социум сегодня продолжает испытывать последствия представлений о женщине, как менее ценном члене семьи и общества¹². Такое распространённое и достаточно укоренившееся традиционное отношение влечёт за собой различные негативные последствия, одно из которых — самый высокий в мире уровень самоубийств среди китайских женщин (на 25% выше, чем у мужчин)¹³. Большая часть самоубийств происходит в сельских районах, что можно объяснить недостаточными возможностями и правами для самореализации женщины в тех условиях. Конечно, китайские женщины сегодня становятся всё более активными в отстаивании своих прав и преодолении инерции многовекового господства традиционных гендерных стереотипов: движение против сексуальных домогательств в учебных заведениях и на рабочем месте «Я тоже», выступления известной группы пяти женщин-феминисток, протестующих против сексуальных домогательств в метро¹⁴. Однако эти случаи, как и возможность открыто заявлять свои требования на интернет-платформах, на деле жёстко контролируются и часто пресекаются властями, усматривающими в них потенциальный источник общественного беспокойства. Такая реакция, видимо, обусловлена сохранением определённого отношения к женщине, столетиями господствовавшего в китайской культуре и традициях.

Политика жесткого ограничения рождаемости, проводимая китайским правительством в 1979–2015 гг., также способствовала, как уже упоминалось, поддержанию более значимого положения мужчины в сравнении с положением женщи-

ны. Несмотря на определённую степень успешности, формула «одна семья — один ребёнок» вызвала сопротивление и попытки обеспечить появление в семье ребёнка мужского пола. Нелегальные УЗИ с целью не допустить рождения девочек, убийства их сразу после рождения, последовавший «трафик невест» из-за рубежа стали печальными следствиями борьбы патриархальных устоев против рационального духа реформ. Пока восходящие к старому аграрному обществу стереотипы, наподобие 男耕女织 («мужчины пахут, женщины ткут»), медленно уничтожаются изменением условий жизни, на смену им приходят новые проблемы. Сформировавшаяся вследствие проводившейся демографической политики диспропорция между мужским и женским населением не может быть быстро изменена [19]. Миллионы мужчин не в состоянии реализовать традиционную семейную модель. По данным ООН, соотношение полов в Китае, по прогнозам, достигнет к 2050 г. 106 мужчин на 100 женщин¹⁵. С другой стороны, та же модель предполагает относительно ранний (до 25 лет) возраст вступления женщин в брак. Женщины, имеющие иные приоритеты, могут подвергаться давлению со стороны родственников. Не вступившие в брак после 25 лет, сталкиваются с осуждением, несмотря на достигнутые успехи [20]. Видимо, сохраняет свою значимость господствовавший в китайской культуре до образования КНР стереотип, когда «незамужняя 18-летняя девушка считалась старой девой» [21].

Однако стоит ещё раз подчеркнуть, что, как бы значимы ни были нынешние сложности, история китайского общества знала куда более трагичные ситуации. Этнограф Фэй Сяогун описывал распространение традиций умерщвления девочек, приведший в XIX в. к тому, что на 140 мужчин брачного возраста приходилось 100 девушек того же возраста, при этом последние оставались абсолютно бесправными в во-

¹² China makes remarkable progress in gender equality, women empowerment: official // China.org.cn: [сайт]. — URL: www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2021-04/16/content_77413463.htm (дата обращения: 15.04.2021).

¹³ Д. Абдуразакова. Женщины подпирают половику неба. О реформах и гендерных вопросах в Китае // GWANET: [сайт]. — URL: http://www.gender.cawater-info.net/publications/pdf/abdurazakova_ru.pdf (дата обращения: 04.05.2021).

¹⁴ Do Women in China Face Greater Inequality than Women Elsewhere? // Chinapower.csis.org: [сайт]. — URL: <https://chinapower.csis.org/china-gender-inequality/> (дата обращения: 15.04.2021).

¹⁵ Do Women in China Face Greater Inequality than Women Elsewhere? // Chinapower.csis.org: [сайт]. — URL: <https://chinapower.csis.org/china-gender-inequality/> (дата обращения: 15.04.2021).

просах заключения брака, выбора партнёра, рождения детей [4. С. 44].

Китайское правительство, озабоченное решением проблем гендерного неравенства и сопутствующими вопросами (медицинское обслуживание, женское здоровье), разрабатывает и внедряет программы, предназначенные для женщин. Национальная программа развития женщин на 2011–2020 гг., например, особое внимание уделяла «увеличению доступа к профилактическим осмотрам, стандартным услугам в области репродуктивного здоровья, а также просвещению в области здравоохранения и питания»¹⁶.

Ещё одна реалья китайского общества, «поддерживаемая», в том числе дисбалансом в соотношении полов — гомосексуальность. Гомосексуальность перестала считаться преступлением в Китае в 1997 г., а психическим расстройством — в 2001 году. ЛГБТ-сегмент китайского общества имеет свои особенности: количественное преобладание мужчин в составе населения как важный источник его развития; отсутствие упоминаний в официальном информационном пространстве; заметное экономическое влияние; наличие в качестве «естественного примера» для сравнения Тайваня, где, в частности, разрешены однополые браки.

Существенным преимуществом Китая в преодолении различных сексуальных и гендерных предубеждений, является отсутствие значимых религиозных институтов, провозглашающих те или иные табу в данной сфере, а также ослабление позиций патриархального конфуцианства [22]. Это, как и присущий современному китайскому обществу прагматизм, сое-

диняющийся с западным индивидуализмом, формируют новые направления для преобразований.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует отметить:

- специфика гендерной политики России и Китая обусловлена исходными демографическими характеристиками, социально-политическими и экономическими приоритетами, а также гендерным соотношением;
- в целом официальная гендерная политика в области равенства прав и возможностей мужчин и женщин в обоих государствах направлена на преодоление гендерной дискриминации и распространение эгалитарных установок и отношений во всех сферах жизнедеятельности. Однако сформулированные цели зачастую приобретают в обоих государствах декларативный характер в силу сохранения стандартизированных представлений о моделях поведения, поддерживающих условия для гендерной асимметрии;
- несомненно важным остаётся запрос на просветительское гендерное образование со стороны молодых людей, для которых в быстро меняющейся среде с высоким уровнем социального напряжения гендерное самоопределение и сексуальная жизнь становятся источником стресса;
- полноценная реализация гендерной политики требует системного подхода к присутствию гендерной компоненты в осмыслении социальных процессов, к интеграции достижений и проблем обоих полов в организацию жизни общества, к преодолению разного рода гендерных стереотипов с целью соблюдения интересов как мужчин, так и женщин.

¹⁶ Do Women in China Face Greater Inequality than Women Elsewhere? // Chinapower.csis.org: [сайт]. — URL: <https://chinapower.csis.org/china-gender-inequality/> (дата обращения: 15.04.2021).

Литература и Интернет-источники

1. **Штылёва, Л. В.** Педагогика и гендер: развитие гендерных подходов в образовании / Л. В. Штылёва // Женщина в российском обществе. — 2000. — № 3(19). — С. 61–66.
2. **Ключко, О. И.** Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьников / О. И. Ключко, Л. В. Штылёва // Перспективы науки и образования. — 2019. — № 2(38). — С. 240–255. DOI: 10.32744/pse.2019.2.18.
3. **Абрамова, А. А.** Существует ли феномен «стеклянного потолка» в современной российской реальности? / А. А. Абрамова // Nauka.me: [сайт]. — URL: <https://nauka.me/s241328880013302-6-1/> DOI: 10.18254/S241328880013302-6. (дата обращения: 04.05.2021).
4. **Сяотун, Фэй.** Китайская деревня глазами этнографа / Фэй Сяотун. — Москва : Наука. 1989. — 247 с.
5. **Цзиньлин, Чэнь.** Гендерная политика Китая / Чэнь Цзиньлин // Вестник Забайкальского гос. ун-та. — 2016. — Т. 22. — № 10. — С. 83–88. DOI: 10.21209/2227-9245-2016-22-10-83-88.
6. **Швецова, А. В.** О реализации принципов гендерного образования в российских вузах / А. В. Швецова // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 2. — С. 67–73.
7. **Липатова, С. Д.** Гендерный подход в образовании: история и современность / С. Д. Липатова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, (Екатеринбург, 27–28 апреля 2007 г.). Т. 1. — Екатеринбург : АМБ, 2007. — С. 350–354. ISBN 978-5-8057-0592-3.
8. **Костикова, И. В.** Специфика философии гендерного образования / И. В. Костикова, А. А. Костикова // Профессиональное образование в современном мире. — 2018. — Т. 7. — № 4. — С. 1498–1504. DOI: 10.15372/PEMW20170422.
9. **Курганская, М. Ю.** Гендерное образование как главный инструмент ослабления гендерной дискриминации на рынке труда / М. Ю. Курганская, М. В. Пертая // Проблемы современного педагогического образования. — 2018. — № 60-2. — С. 221–223.
10. **Римашевская, Н. М.** Гендерные стереотипы и логика социальных отношений / Н. М. Римашевская // О насилии в отношении женщин / Под ред. и с предисл. Н. М. Римашевской. — Москва : КомКнига, 2005. — 353 с.
11. **Овчарова, О. Г.** Гендерное образование в России: международно-правовые факторы развития / О. Г. Овчарова // Социал-демократический союз женщин России: [сайт]. — URL: <http://sdwomen.ru/history/99-gendernoe-obrazovanie-v-ossii.html> (дата обращения: 15.04.2021).
12. Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании: материалы всероссийской конференции 16 июня 2016 г., Москва / ред. Л. Ю. Максимова. — Москва : Физматкнига, 2016. — 544 с.
13. **Лунякова, Л. Г.** Развитие и распространение гендерных знаний и гендерного образования в России: вклад МЦГИ / Л. Г. Лунякова // Равные права и равные возможности женщин и мужчин в сфере высшего образования. Гендерное образование в России. — Москва : Макс-Пресс, 2008. — С. 225–236.
14. **Ли, Вань.** Исследование политического участия женщин в развитии Китая / Вань Ли // Дацинский педагогический журнал. — 2008. — № 4. — С. 42–43.
15. **Steinhauer, Isabella.** «Sex and Sexual Education in China: Traditional Values and Social Implications» (2016) / Isabella Steinhauer // Digital Collections: [сайт]. — URL: digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2291 (дата обращения: 15.04.2021).
16. **Fincher, Leta Hong.** Leftover Women: The Resurgence of Gender Inequality in China / Leta Hong Fincher // London: Zed Books. — 2014. — 224 p.
17. **Tsui, Ming.** The Only Child and Educational Opportunity for Girls in Urban China. / Ming

- Tsui, Lynne Rich // Gender and Society.—Vol. 16.—No. 1 (Feb., 2002).—P. 74–92. DOI: 10.1177/0891243202016001005.
18. **Воронина, О. А.** Гендер и культура / О. А. Воронина // Женщины и социальная политика — Women and social policy: (гендерный аспект) / Отв. ред. З. А. Хоткина. — Москва : ИСЭПН РАН, 1992. — С. 10–22.
 19. **Lam, Nuala Gathercole.** Beyond #MeToo in China / Nuala Gathercole Lam // Made in China Journal — 2019. — № 1. — P. 64–71.
 20. **Babiarz, Kimberly Singer.** Population sex imbalance in China before the One-Child Policy / Kimberly Singer Babiarz et al // Demographic-research.org: [сайт]. — URL: www.demographic-research.org/Volumes/Vol40/13/ DOI: 10.4054/DemRes.2019.40.13. (дата обращения: 15.04.2021).
 21. **Дампилов, Н. Б.** Юридический статус женщин в Китае: осуществление эгалитаризма в семейном праве / Н. Б. Дампилов // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 8. — С. 6–10.
 22. **Hung, Jason.** Gender Equality in China / Jason Hung // Oxford Human Rights Hub: [сайт]. — URL: http://ohrh.law.ox.ac.uk/gender-equality-in-china/ (дата обращения: 15.04.2021).

Сведения об авторах:

Беликова Марина Васильевна, кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: beladm09@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9547-4502; РИНЦ Author ID: 4483-0260.

Латинов Гарольд Игоревич, аспирант Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: garold@bk.ru; ORCID: 0000-0003-3099-8281; РИНЦ Author ID: 1457-0643.

DOI: DOI: 10.19181/population.2021.24.3.12

MODERN GENDER POLISY IN RUSSIA AND CHINA

Marina V. Belikova¹, Garold I. Latinov²

¹Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Studies of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)

²Pushkin Leningrad State University (10 Peterburgskoe shosse, Saint-Petersburg, Russian Federation, 196605)

**E-mail: beladm09@mail.ru*

For citation:

Belikova M.V., Latinov G.I. Modern gender policy in Russia and China. Narodonaselenie [Population]. 2021. Vol. 24. No. 3. P. 151-161. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.12. (in Russ.)

Abstract. *The problems of building and realizing the self-identity of men and women through the practice of gender awareness education are relevant to all countries and cultures to varying degrees. The article attempts to conduct a comparative analysis of gender policy in Russia and China at the present stage in two aspects: education in the field of equality of rights and opportunities of men and*

women; correction of gender stereotypes and biases. The specificity of the approach to solving gender problems correlates with the national-cultural, political, religious, and ethical characteristics of the Russian and Chinese peoples. In Russia, as in China, the norms and principles of interaction between men and women, as well as the equality of their rights and opportunities in social life, are formally recognized by society and legalized, that contributes to spread of egalitarian views and attitudes. However, the declarative nature of this recognition often manifests itself in the lives of citizens of both States. Nevertheless, the traditional gender stereotypes are being overcome in Russian and Chinese society (in each in its own way), the authorities are trying to expand the legislative framework on gender equality of men and women, attract administrative resources to improve the level of gender culture of the population, as well as develop and implement programs designed for women. The strategic direction of gender policy and gender awareness education remains the development of a systematic approach to the presence of a gender component in the understanding of social processes, to the integration of the achievements of both sexes in the organization of society.

Keywords: gender policy, Sustainable Development Goals, gender awareness education, gender identity, gender stereotypes.

References and Internet sources

1. Shtylyova, L. V. Pedagogika i gender: razvitije gendernykh podkhodov v obrazovanii. [Pedagogy and gender development of gender approaches in education]. Zhenshhina v rossijskom obshchestve. [Woman in Russian Society]. 2000. No. 3(19). P. 61–66. (in Russ.)
2. Klyuchko, O. I., Shtylyova, L. V. Genderny'e transformatsii v mental'nosti sovremennykh rossijskikh shkol'nits. [Gender transformations in the mentality of modern Russian schoolgirls]. Perspektivy nauki i obrazovaniya. [Perspectives of Science and Education]. 2019. No. 2(38). P. 240–255. DOI: 10.32744/pse.2019.2.18. (in Russ.)
3. Abramova, A. A. Sushhestvuet li fenomen «steklyannogo potolka» v sovremennoj rossijskoj real'nosti? [Does the phenomenon “of glass ceiling” exist in the present Russian reality?] Nauka. me. Available at: <https://nauka.me/s241328880013302-6-1/> DOI: 10.18254/S241328880013302-6. (Accessed: 4 May 2021). (in Russ.)
4. Fe'j Syaotun. Kitajskaya derevnya glazami etnografa. [Chinese Village through the Eyes of Ethnographer]. Moscow. Nauka. [Science]. 1989. 247 p. (in Russ.)
5. Czzin'lin Che'n. Gendernaya politika Kitaya. [Gender policy of China]. Vestnik Zabajkal'skogo gos. un-ta. [Transbaikal State University Journal]. 2016. Vol. 22. No. 10. P. 83–88. DOI: 10.21209/2227-9245-2016-22-10-83-88. (in Russ.)
6. Shvetsova A. V. O realizatsii printsipov gendernogo obrazovaniya v rossijskikh vuzakh. [On implementation of the principles of gender education in Russian higher education establishments]. Pedagogicheskoe obrazovaniye v Rossii. [Pedagogical Education in Russia]. 2017. No. 2. P. 67–73. (in Russ.)
7. Lipatova S. D. Gendernyj podkhod v obrazovanii: istoriya i sovremennost'. [Gender approach in education: history and modernity]. Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya [Ural Industrial: Bakunin Readings]. Proceedings of the VIII All-Russian scientific conference. Yekaterinburg, 27–28 April 2007. Vol. 1. Yekaterinburg. AMB. 2007. P. 350–354. ISBN 978-5-8057-0592-3. (in Russ.)
8. Kostikova I. V., Kostikova A. A. Spetsifika filosofii gendernogo obrazovaniya. [Specifics of gender education philosophy]. Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire. [Professional Education in the Modern World]. 2018. Vol. 7. No. 4. P. 1498–1504. DOI: 10.15372/PEMW20170422. (in Russ.)
9. Kurganskaya M. Yu., Pertaya M. V. Gendernoje obrazovaniye kak glavnyj instrument oslableniya gendernoj diskriminacii na rynke truda. [Gender education as the main instrument of reducing gender discrimination in the labor market]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. [Modern Pedagogical Education Issues]. 2018. No. 60-2. P. 221–223. (in Russ.)
10. Rimashevskaya, N. M. Gendernye stereotipy i logika social'nykh otnoshenij. [Gender stereotypes the logic of social relations]. O nasilii v otnoshenii zhenshhin [On Violence against Women]. Editing and preface by N. M. Rimashevskaya. Moscow. KomKniga. 2005. 353 p. (in Russ.)

11. Ovcharova, O. G. Gendernoje obrazovanie v Rossii: mezhdunarodno-pravovyje faktory razvitiya. [Gender education in Russia: international law factors of development]. Rossiya i Yevropa: Global'nyje izmeneniya i sovremennoje razvitije. [Russia and Europe: Global Changes and Contemporary Development]. Available at: <http://sdwomen.ru/history/99-gendernoe-obrazovanie-v-rossii.html> (Accessed: 15 April 2021). (in Russ.)
12. Teoriya i praktika realizatsii gendernogo podkhoda v obrazovanii [Theory and Practice of Gender Approach Implementation in Education]. Proceedings of All-Russian conference, 16 June 2016, Moscow. Ed. L. Yu. Maksimova. Moscow. Fizmatkniga. 2016. 544 p. (in Russ.).
13. Lunyakova, L. G. Razvitije i rasprostraneniye gendernykh znaniy i gendernogo obrazovaniya v Rossii: vklad MCzGI. [Development and spread of gender knowledge and gender education in Russia: Contribution of Moscow Center for gender Studies]. Ravnnye prava i ravnnye vozmozhnosti zhenshchin i muzhchin v sfere vysshego obrazovaniya. Gendernoe obrazovanie v Rossii. [Equal Rights and Equal Opportunities of Women and Men in the Sphere of Higher Education. Gender Education in Russia]. Moscow. Maks-Press. 2008. P. 225–236. (in Russ.)
14. Van Li. Issledovaniye politicheskogo uchastiya zhenshchin v razvitii Kitaya. [Study of political participation of women in development of China]. Datsinskij pedagogicheskij zhurnal. [Datsin Pedagogical Journal]. 2008. No. 4. P. 42–43. (in Russ.)
15. Steinhauer I. Sex and Sexual Education in China: Traditional Values and Social Implications. 2016. Digital Collections. Available at: digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2291 (Accessed: 15 April 2021).
16. Fincher L. H. *Leftover Women: The Resurgence of Gender Inequality in China*. London. Zed Books. 2014. 224 p.
17. Ming Tsui, Lynne Rich. The only child and educational opportunity for girls in urban China. *Gender and Society*. Vol. 16. No. 1 (Feb. 2002). P.74–92. DOI: 10.1177/0891243202016001005.
18. Voronina, O. A. Gender i kul'tura. [Gender and culture]. Zhenshhiny i socialnaya politika: gendernyj aspekt. [Women and Social Policy: Gender Aspect]. Ed. Z. A. Khotkina. Moscow. ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS]. 1992. P. 10–22. (in Russ.)
19. Lam N. G. Beyond #MeToo in China. *Made in China Journal*. 2019. No. 1. P. 64–71.
20. Babiarz K. S. et al. Population sex imbalance in China before the one-child policy. *Demographic-Research.org*. Available at: www.demographic-research.org/Volumes/Vol40/13/ DOI: 10.4054/DemRes.2019.40.13. (Accessed: 15 April 2021).
21. Dampilon N. B. Yuridicheskij status zhenshchin v Kitae: osushchestvleniye egalitarizma v semejnom prave. [Legal status of women in China: egalitarianism in family law]. Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. [Bulletin of Buryat State University]. 2011. No. 8. P. 6–10. (in Russ.)
22. Hung J. Gender Equality in China. *Oxford Human Rights Hub*. Available at: <http://ohrh.law.ox.ac.uk/gender-equality-in-china/> (Accessed: 15 April 2021).

Information about the authors:

Belikova Marina Vasilievna, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: beladm09@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9547-4502; Elibrary Author ID: 4483-0260.

Latinov Garold Igorevich, graduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation.

Contact information: e-mail: garold@bk.ru, ORCID: 0000-0003-3099-8281; Elibrary Author ID: 1457-0643.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021, одобрена 30.08.2021, опубликована 30.09.2021.